

№ 157—158

**ВОЛНЕНИЕ НА СУКОННОЙ ФАБРИКЕ
ОКУЛОВОЙ В МОСКОВСКОЙ ГУБ.
(1834 г.)**

№ 157

1834 г., МАРТА 17.

**ИЗ ДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА II ОКРУГА
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ ЛЕСОВСКОГО ШЕФУ ЖАНДАРМОВ
А. Х. БЕНКЕНДОРФУ О ВОЛНЕНИИ КРЕСТЬЯН
ФАБРИКИ ОКУЛОВОЙ,
ТРЕБОВАВШИХ УЛУЧШЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ
И УВЕЛИЧЕНИЯ ПЛАТЫ ЗА РАБОТУ**

...Крестьяне г-жи Окуловой Московской губернии, Подольского уезда, сельца Никульского и деревни Резановой, еще с начала сего года начали не выполнять своих уроков на суконной фабрике, в имении существующей, отнеся сие к недостатку в хлебе, наконец, входили о сем с просьбой к г-же своей, — и хотя им приказано было дать работу с платою, но они нашли ее невыгодною и не приняли. После чего, сделав между собой под клятвою условие, — быть во всем за одно и одному другого не выдавать, в числе 65 человек решились отправиться в Москву для написания жалобы на помещицу их; запаслись деньгами на сей предмет и прибегли, как полагать должно, к человеку г-жи Кологривовой, живущему в Москве Сергею Яковлеву, ибо он и прежде писал им просьбу на имя помещицы.

Г-жа Окулова, известясь о сем и быв недовольна непослушанием своих крестьян, потребовала чрез бурмистра из вотчины двух из них — Егора Михайлова и Григория Васильева, полагая их зачинщиками всех беспорядков; но когда они, крестьяне, были взяты в контору для отправления в Москву, то все прочие, как бывшие в то время на фабрике, так и в деревне, крестьяне пришли к конторе, окружили Михайлова и Васильева и с криком: «Не дадим, мы все идем!» отбили их и отправились с ними по домам.

Видев такое сопротивление, бурмистр вынужден был дать знать о сем земскому суду, который прислал сотского, но кре-

поселение, 9 человек наказать также плетью на месте через полицейских служителей, остальных участников волнения обязать подпиской «со строжайшим подтверждением, чтобы впредь от подобных поступков удержались под опасением строгого, по законам, наказания» (то же дело, л. 41—42).

стьяне и с ними не отпустили Михайлова и Васильева, а пошли все в город Подольск, собрались к присутственным местам, и, когда даже исправник начал требовать Егора Михайлова и Григория Васильева, тогда они опять все сказали, что их не дадут и чтобы всех их брали, а дворянскому заседателю, вошедшему в середину их, загораживали дорогу, оттирая его плечами; и уже с помощью бывших тут инвалидного солдата и сотского, наконец, взяты были означенные Михайлов и Васильев.

Но буйная толпа крестьян хотела следовать за ними и в земский суд, что, вероятно, и сделала бы, если бы не заперли дверей. После сего с большим трудом могли выгнать крестьян из города, но на другой день они собрались на большой дороге в намерении отбить своих товарищей при проходе в Москву; однако ж земский суд из предосторожности отправил их посредством внутренней стражи и сим отклонил дерзкое намерение бунтующих.

Вот в чем заключается неповиновение крестьян г-жи Окуловой, о коем г. дворянский предводитель, быв извещен земским исправником, донес начальнику губернии. По распоряжению его прибыли на место из Москвы 40 человек Московского пехотного полка нижних чинов под командою прапорщика Петрусевича и 5 казаков при уряднике. Крестьяне обеих деревень г. г. командированными чиновниками хотя были уговариваемы к повиновению, но за всеми увещаниями и доказательствами о их дерзких поступках и при всем старании внушить им строгость следуемого за сим наказания, они остались упорны и не хотели никак покориться, а говорили с азартностью: «Мы все просили хлеба, мы все виноваты, мы все зачинщики», и тому подобное.

Как по сему не было возможности смирить и открыть сими средствами более виновных, то самые грубые и отважные взяты под стражу. В допросах при следствии они показали совершенно все одинаково, повторяя те же слова, что и говорили при сборе, прибавляя к тому же множество грубостей и неприличных выражений и не выдавая один другого, не запирались в своих действиях, рассказывали смело всю историю, выше сего прописанную. А к довершению неповиновения не хотели подписаться к своим допросам, упорно и грубо от того отказываясь, особенно крестьянин Емельян Петров, который по ответам своим и разным грубым двусмысленностям обратил на себя особенное внимание; примеру его последовали и все остальные за сим крестьяне.

Одному из них г. предводитель предлагал сколько нужно для его семейства хлеба с тем, чтобы он подписался, но он никак на то не согласился. Следственно, сие самое упорство дока-

зывает, что не голод довел крестьян помещицы Окуловой до неповиновения, а умысел их, как заключить должно, есть тот, дабы их взяли в опеку, полагая, что будут принадлежать казне, и по примеру соседей своих жить вольно; они, по уверению сторонних людей, успели уже вывести все, что у них было; в житницах хлеба не найдено, но заметны от оных свежие следы вывоза; имущество их также, как видно, спрятано, и они с большим принуждением дают продовольствие находящейся на экзекуции команде.

Почему г. гражданский губернатор ныне сам отправился в имение помещицы Окуловой для принятия мер к усмирению бунтовщиков.

Почтеннейше донося вашему сиятельству о всех сих обстоятельствах, считаю долгом присовокупить, что фабрика г-жи Окуловой есть не посессионная, и хотя платы работающим на оной 200 душам не производится, но им даны все средства к содержанию своих семейств, и при том самая работа неотяготительна. Например, из семьи один находится на фабрике, а другой остается дома, одинокие же недели находятся на фабрике, а другую работают на себя; каждый должен выткать в сутки шесть аршин сукна и более уже никакою господскою работою семейства находящихся на фабрике не занимаются. Оброку помещице не платят, и даже сама она вносит за них и подати, а сверх того, в летнее время все с фабрики увольняются на три недели для вспомоществования семействам своим в полевых работах, ибо земли у них очень довольно. А посему находя, что после сделанных упомянутыми крестьянами поступков всякое послабление, им сделанное, даст только повод к еще большим беспорядкам и своеволию, я ныне отнесся к г. гражданскому губернатору, прося уведомления его, какие он далее примет меры к укрощению их и по получении отзыва его не замедлю об оном довести до сведения вашего сиятельства.

Генерал-лейтенант *Лесовский*.

Пометы: 1) *В. Нужное*.

2) *Записку государю по IV экспед.*

№ 158

1834 г., МАРТА 24.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА II ОКРУГА
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ ЛЕСОВСКОГО ШЕФУ ЖАНДАРМОВ
А. Х. БЕНКЕНДОРФУ О ПОДАВЛЕНИИ ВОЛНЕНИЯ
КРЕСТЬЯН ФАБРИКИ ОКУЛОВОЙ
И О ВЫНЕСЕНИИ ВОЕННЫМ СУДОМ ПРИГОВОРА
О ССЫЛКЕ ГЛАВНЫХ УЧАСТНИКОВ ВОЛНЕНИЯ
НА КАТОРГУ В СИБИРЬ

Московский гражданский губернатор, отправлявшийся сам в имение помещицы Окуловой для приведения к покорности возмущившихся крестьян ее, не успел однако ж в том, сколько ни употреблял к сему средств и сколько ни убеждал неповинующихся, почему и вынужден был учредить над ними военный суд. Согласно с приговором коего, он, г. губернатор, определил:

крестьян Егора Михайлова и Емельяна Петрова, как главных зачинщиков и возмутителей спокойствия, наказать кнутом и сослать в Сибирь в каторжную работу; семь человек наказать плетьюми и отослать: четырех — в Сибирь на поселение и трех — в арстантские роты для поступления на службу, а в случае неспособности, также в Сибирь на поселение; прочих же затем 54 человек, невольно завлеченных в преступление, предоставить попечительному исправлению самой помещицы.

На экзекуцию собраны были кроме всех крестьян помещицы Окуловой и крестьяне из окрестных селений, лежащих на пространстве 15 верст, и когда решение приведено было в исполнение, крестьянам г-жи Окуловой прочтен высочайший манифест 12 мая 1826 года ¹, тогда они тотчас приступили к фабричным работам со всем усердием...

Генерал-лейтенант Лесовский.

Помета: *Записку госуд[арю].*

ЦГИАМ, ф. 109, III Отд., 4 эксп., 1834 г.,
д. 83, л. 7—8.

¹ II ПСЗ, № 330.